

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

132962/
1

1880

ЯНВАРЬ

№ 1

ОЧЕРКИ ВОЙНЫ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

1876 годъ.

Сила обстоятельствъ привела Россію къ обладанію обширною территоріей въ Средней Азіи. Было бы ошибочно приписывать наше наступленіе въ глубь Средней Азіи личной инициативѣ мѣстныхъ дѣятелей. Подобная инициатива можетъ въ частныхъ случаяхъ лишь ускорить естественный ходъ событій, но нельзя въ ней искать причины присоединенія новыхъ областей и распространенія сферы нашего вліянія все далѣе и далѣе, вопреки мирнымъ принципамъ центральной власти. Расширеніе отдаленныхъ владѣній, невыгодное въ финансовомъ отношеніи и заставляющее усиливать мѣстныя военныя средства, представляло не мало затрудненій, но расширеніе это неизбѣжно и еще не закончено: таково естественное слѣдствіе сосѣдства съ нецивилизованными, варварскими народами, которые признають лишь грубую силу, считаютъ мирную политику выраженіемъ слабости и видятъ въ ней поводъ къ нападенію. Естественной и вполне опредѣленной границы, которая давала бы возможность не идти далѣе, мы еще, повидимому, не достигли; притомъ вопросъ, что въ Азіи считать естественной границей, очень трудно разрѣшить. Практика убѣдила, что ея не составляютъ ни большія рѣки (какъ, напримѣръ, Сыръ-дарья), ни первостепенные хребты (какъ, напримѣръ, Алайскій), ни еще того менѣе безплодныя степи. Возможность остановиться скорѣе всего можетъ дать сосѣдство съ сильной политической организаціей, каковы Китай и Англо-Индіа.

Въ виду такой, можно сказать роковой необходимости вѣдаться съ Азіей и высоко поддерживать въ ней наше военное могущество, намъ необходимо серьезно и всесторонне изучать вопросъ о наилучшемъ способѣ дѣйствій противъ средне-азіатцевъ. Цѣль важная и задача не легкая. Средства наши въ Средней Азіи относительно слабы, пополненіе ихъ трудно, а непріятель многочисленъ. Превосходство тактическаго обученія и вооруженія, доставившее намъ первые успѣхи надъ нестроеными полчищами средне-азіатцевъ, придали нашимъ войскамъ обаяніе непобѣдимости; это обаяніе въ послѣдующихъ столкновеніяхъ было для

насъ сильнымъ вспомогательнымъ средствомъ. Если бы, къ несчастію, вслѣдствіе частныхъ неудачъ, мы бы это обаяніе потеряли, то положеніе наше среди населенія, готоваго возстать на слабого, затруднилось бы въ пропорціи, весьма превышающей матеріальное значеніе этихъ неудачъ.

Итакъ, внимательное изслѣдованіе условий, дающихъ намъ перевѣсъ въ войнѣ съ средне-азіяцами (¹), необходимо даже и тогда, когда полный успѣхъ надъ непріателемъ составляетъ, казалось бы, единственно возможный исходъ встрѣчи съ нимъ въ бою, дабы наши частныя неудачи, весьма возможное слѣдствіе легкаго отношенія къ противнику, поднявъ его нравственныя силы, не обратили бы задачи, вполне исполнимой, въ положеніе затруднительное, могущее повліять на обаяніе русскаго имени въ этихъ отдаленныхъ странахъ.

Настоящая статья не есть попытка систематически изслѣдовать намѣченный вопросъ. Наша цѣль ограничивается разсказомъ очевидца о нелишнемъ, по нашему мнѣнію, поучительности эпизодъ изъ покоренія бывшаго Коканскаго ханства (нынѣ Ферганская область), отрядомъ Свиты Его Величества генералъ-маіора Скобелева 2-го (²) въ 1876 году. Мы бы хотѣли отмѣтить въ разсказѣ тѣ приемы и дѣйствія, коими обусловился блистательный успѣхъ предпріятія. Безъ сомнѣнія, они составляютъ примѣненіе къ мѣстной обстановкѣ основныхъ, обязательныхъ, можно сказать азбучныхъ началъ военнаго искусства; но дѣло въ томъ, что весьма удачныя въ большей части случаевъ дѣйствія нашихъ малочисленныхъ отрядовъ въ Средней Азіи, въ періодъ 1861—1876 годовъ, сопровождавшіеся притомъ небольшими, а часто и ничтожными, потерями, вселили въ нашемъ военномъ обществѣ, незнающемъ мѣстныхъ условий, пренебрежительное отношеніе къ подробностямъ этихъ дѣйствій.

Успѣхъ казался слѣдствіемъ единственно слабости не дисциплинированнаго и плохо вооруженнаго непріятеля, а потому тактика нашихъ войскъ—вопросомъ несущественнымъ и неинтереснымъ. А между тѣмъ многія средне-азіяскія экспедиціи на практикѣ были дѣломъ не легкимъ и велись различно; при этомъ и результаты ихъ выходили далеко не одинаковыя; относительная и подробная оцѣнка ихъ рѣдко выходила за предѣлы обсужденія мѣстной военной интеллигенціи.

(¹) Говоря лишь о военной сторонѣ дѣла, я не касаюсь нравственнаго вліянія, приобретаемаго управленіемъ покоренныхъ областей и несомнѣнно распространяющагося за предѣлы нашихъ владѣній. Это обстоятельство весьма важно, и весьма желательно, чтобы оно всегда было въ нашу пользу.

(²) Нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, командиръ 4-го армейскаго корпуса.

Въ іюлѣ 1875 года въ Коканскомъ ханствѣ произошла революція. Враги Худояръ-хана, и во главѣ ихъ Абдурахманъ-Автобачи, сынъ казненнаго Худояръ-ханомъ бывшаго опекуна его Кипчака Мусульманъ-Кула, опираясь на народное неудовольствіе, вызванное обремененіемъ произвольными налогами, объявили Худояръ-хана низложеннымъ. Возмущеніе изъ г. Оша дошло въ короткое время до столицы г. Кокана. Ханъ долженъ былъ бѣжать въ русскіе предѣлы, въ г. Ходжентъ.

Вмѣстѣ съ ханомъ выступило изъ Кокана обратно и бывшее тамъ пробандомъ въ Кашгаръ русское посольство. Начальниками его были по дипломатической части коллежскій совѣтникъ Вейнбергъ, по военной флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ. Кашгаръ представлялся намъ въ то время сильной мусульманской державой. Предполагалось, что армія Якубъ-бека далеко превосходитъ все то, съ чѣмъ мы до того встрѣчались на средне-азіатскихъ поляхъ сраженій, и по вооруженію, и по организаціи, и по военному духу. Полковникъ Скобелевъ долженъ былъ, пользуясь дружескими сношеніями, закрѣпляемыми присылкой посольства, оцѣнить во всѣхъ отношеніяхъ военное значеніе Кашгара; все возраставшее, какъ казалось, могущество бадаулета, при извѣстномъ его честолюбіи, не могло не внушать опасеній нашему ташкентскому начальству. Коканскій же ханъ находился подъ дѣйствительнымъ нашимъ вліяніемъ; поэтому и ханство считалось сосѣдомъ совершенно не опаснымъ, какъ теперь Бухара.

Повидимому, въ началѣ возмущенія противъ Худояръ-хана предводители возставшаго народа не имѣли въ виду воевать съ русскими. По крайней мѣрѣ, наша посольская команда изъ 22 казаковъ не только пробралась благополучно черезъ городъ, запруженный сильно возбужденнымъ народомъ, но и прикрыла бѣгство Худояръ-хана, которому иначе пришлось бы плохо. Возставшіе, къ которымъ примкнули и войска, энергически насѣдали 40 верстъ на ханскій поѣздъ (состоявшій, кромѣ хана со свитой, изъ арбъ съ его женами и имуществомъ), порубили и застрѣлили многихъ изъ его защитниковъ, оставшихся вѣрными хану, но очевидно сдерживались, натакиваясь на казаковъ. Наша команда, въ свою очередь, дѣйствовала съ большимъ хладнокровіемъ и выдержкою; выказывая рѣшимость защищать хана, въ то же время не пускала въ ходъ оружія и, благодаря твердости и осторожности полковника Скобелева, безъ потерь прибыла съ бывшимъ ханомъ въ Ходжентъ. Такому благополучному выходу изъ весьма опаснаго положенія много помогъ также Мирза-Хакимъ, коканскій посланникъ въ Ташкентъ (Нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ). Онъ не одне-

кратно выѣзжалъ къ мятежникамъ и убѣждалъ ихъ не нападать на русскихъ.

Такимъ образомъ, фактъ изгнанія Худояръ-хана его подданными въ глазахъ какъ кокандцевъ, такъ и нашего ташкентскаго начальства не заключалъ въ себѣ ничего враждебнаго русскимъ. Но вскорѣ въ новомъ коканскомъ правительствѣ восторжествовала крайняя фанатическая партія, былъ провозглашенъ газаватъ (священная война съ невѣрными) и коканскія шайки вторглись въ наши предѣлы. Ими осажденъ былъ г. Ходжентъ, разрушена часть почтоваго пункта между этимъ городомъ и Ташкентомъ и взволновано наше туземное населеніе. Положеніе дѣлъ въ Ташкентѣ стало серьезнымъ. Началась кампанія, кончившаяся лишь въ февралѣ 1876 года ⁽¹⁾ присоединеніемъ Коканскаго ханства къ Россіи подъ названіемъ Ферганской области. Во главѣ коканской партіи войны, съ самаго ея начала, сталъ вождь племени кипчаковъ Абдурахманъ-Автобачи. Этотъ мусульманскій аристократъ, потомокъ Чингизъ-хана, имѣлъ въ то время лѣтъ 30 съ небольшимъ. Средняго роста, съ умнымъ и пріятнымъ, хотя чисто монгольскимъ, лицомъ, великодушнаго характера и наслѣдственно умный, онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ во всемъ ханствѣ, между всѣми разнородными элементами населенія: сартами кара-киргизами и, конечно, тѣмъ болѣе между своими кипчаками. Абдурахманъ-Автобачи путешествовалъ въ Мекку, былъ въ Константинополѣ и въ Россіи, между прочимъ въ Одессѣ и Москвѣ. Какъ видно, онъ не понималъ могущества Россіи; главное, что его поразило и оставило въ немъ впечатлѣніе, это то, что восточная полоса Россіи населена мусульманами; а о нашемъ военномъ могуществѣ Автобачи, какъ говорятъ, составилъ себѣ представленіе лишь по встрѣченнымъ имъ казакамъ, возвращавшимся изъ хивинскаго похода. Вѣроятно это впечатлѣніе было не въ нашу пользу.

Абдурахманъ-Автобачи, рѣшившись на войну съ Россіей, объявилъ въ прокламаціяхъ, весьма распространенныхъ, что прогнать русскихъ за Оренбургъ; въ то же время онъ предложилъ ташкентскому правительству уйти со всѣмъ русскимъ населеніемъ изъ средней Азіи безъ кровопролитія, гарантируя личную безопасность и любезно предлагая снабдить арбами для переселенія.

Абдурахманъ-Автобачи, вѣрный преданіямъ своимъ, фамильнымъ и народнымъ, по которымъ ханскій престолъ принадлежитъ сеидамъ, считающимися потомками пророка, а ему, Автобачи, какъ главѣ кипча-

(1) Горное племя кара-киргизовъ возобновило борьбу весной, и вело ее съ перерывами до сентября мѣсяца. Лишь алайская экспедиція закончила покореніе Коканскаго ханства.

ковъ, приличествуетъ роль опекуна ханскаго, возвелъ въ ханы сына Худояра Насръ-еддина. Человѣкъ безъ всякой энергіи, кутила, презираемый народомъ, Насръ-единъ былъ игрушкой въ рукахъ провозгласителей гавата; онъ легко согласился на войну съ русскими и такъ же легко принялъ всѣ условія мира, предписаннаго ему генераль-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ 1-мъ послѣ перваго же большаго пораженія коканцевъ при Махрамѣ 22-го августа 1875 года. По условіямъ этого мира, намъ была уступлена часть ханства по правому берегу Сыръ-дарьи, по теченію Нарына, которая образовала Наманганскій отдѣлъ. Созданіе этого отдѣла, вдававшаяся клиномъ въ ханство, имѣло цѣлю, не распространяя по возможности нашихъ владѣній, въ то же время обезпечить генераль-губернаторство на будущее время отъ вовсе не желательнаго повторенія событій начала августа 1875 года.

Но партія войны въ ханствѣ, руководимая Абдурахманомъ-Автобачи, еще не признала себя побѣжденною. Объявивъ низложеніе Насръ-еддина, Автобачи провозгласилъ ханомъ одного изъ дальнихъ членовъ ханскаго рода, Пулатъ-бека, молодаго человѣка, воспитаннаго кара-киргизами, и война въ концѣ сентября возобновилась. Первымъ ея дѣйствіемъ было сосредоточеніе сторонниковъ войны въ г. Андижанѣ, вызвавшее движеніе нашихъ войскъ въ этотъ городъ. Небольшой отрядъ, выступившій изъ Намангана, подъ начальствомъ свиты Его Величества генераль-маіора Троцкаго, вошелъ съ боя въ Андижанъ, овладѣлъ урдоу (дворцомъ) въ центрѣ его, затѣмъ вернулся въ Наманганъ, имѣя на обратномъ пути горячія дѣла съ непріателемъ. Вскорѣ послѣ того, экспедиціонныя войска, подъ главнымъ начальствомъ генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го, возвратились изъ Намангана въ Ходжентъ, а въ Наманганскомъ отдѣлѣ былъ оставленъ отрядъ изъ трехъ баталіоновъ, 5¹/₂ сотенъ, 12-ти орудій, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Скобелева (онъ же и начальникъ Наманганскаго отдѣла). Отряду этому, въ случаѣ вторженія непріателя въ отдѣлъ, было предписано дѣйствовать стратегически-оборонительно, т. е. не выходя изъ предѣловъ нашихъ владѣній. Тотчасъ же по уходѣ главнаго экспедиціоннаго отряда, во второй половинѣ октября, въ Наманганскомъ отдѣлѣ завязалась почти непрерывная малая война, напоминавшая положеніе дѣлъ на нашей старой кавказской линіи. Сперва вспыхнули возстанія въ Тюря-Курганѣ (40 верстъ отъ Намангана) и вслѣдъ за симъ въ Наманганѣ. Они были энергически подавлены, причемъ половина Намангана, громаднаго по протяженію города, сгорѣла (23-го—28-го октября 1875 года). Испытавъ здѣсь полную неудачу, коканскіе предводители заняли своими партіями, болѣе или менѣе мно-

точисленными, пункты по Нарыну и Дарьѣ, откуда съ большимъ упорствомъ пытались вторгаться въ наши предѣлы и подымать населеніе нашего (праваго) берега.

Наманганскій дѣйствующій отрядъ, имѣя во главѣ молодого и энергичнаго начальника (генераль-маіора Скобелева), впервые призваннаго на важный и отвѣтственный постъ, зорко сторожилъ непріятеля и вполне пользовался выгодами центральнаго положенія. По полученіи извѣстія о появленіи непріятеля на нашемъ берегу, или о его сосредоточеніи въ прибрежныхъ пунктахъ коканской стороны, онъ быстро двигался на непріятеля, дѣлалъ большіе ночные переходы, старался захватить коканцевъ врасплохъ, наносилъ имъ пораженія; но затѣмъ, не имѣя права углубляться въ непріятельскія владѣнія, долженъ былъ возвращаться въ Наманганъ. Дѣла были очень часты, но и самые блистательные наши успѣхи (какъ, напримѣръ, пораженіе большихъ скопищъ 12-го ноября, въ г. Балыкчахъ, молодецкое взятіе горнаго кишлака Ашаба, 18-го ноября, отрядомъ генеральнаго штаба полковника Пичугина, уничтоженіе непріятельскихъ сарбазовъ подъ Улыджибаемъ 2-го декабря) не прекращали совершенно, а лишь пріостанавливали на короткое время наступательныя попытки коканцевъ. Дѣло подходило къ зимѣ; весною должно было ожидать отъ непріятеля еще большей предпримчивости.

Понятно, что такому ненормальному и въ Средней Азіи еще небывалому положенію дѣлъ надлежало положить предѣлъ. Того требовала и необходимость поддержать авторитетъ русскаго имени, и обязанность доставить подвластному намъ населенію возможность мирной и безопасной жизни. Нужно было поразить непріятеля въ самыхъ очагахъ его враждебныхъ дѣйствій и тѣмъ отбить у него охоту тягаться съ нами. Конечно, всего ближе вело бы къ цѣли движеніе прямо въ Маргеланъ, центръ господства Пулатъ-хана, затѣмъ въ Андижанъ, отличавшійся особенно воинственнымъ настроеніемъ. Но военныя средства Наманганскаго отряда признавались главнымъ начальникомъ края недостаточными для удержанія за нами всего или большей части ханства, занятіе котораго могло бы явиться необходимымъ; поэтому окончательное рѣшеніе назрѣвшаго уже коканскаго вопроса откладывалось на весну, ко времени возвращенія генераль-губернатора съ полномочіями и средствами изъ Петербурга во ввѣренный ему край. Между тѣмъ, свиты Его Величества генераль-маіору Скобелеву было предписано совершить зимою движеніе въ сторону Ике-су-арасы, часть ханства по правому берегу Дарьи до теченія Нарына (къ востоку отъ На-

манганскаго отдѣла) и ограничиться пораженіемъ зимующихъ тамъ кипчаковъ, одного изъ орудій борьбы съ нами.

Зима признавалась лучшимъ временемъ для экспедиціи, потому что лишь въ это время года кочевое и полукочевое населеніе ханства, наиболѣе воинственное, не можетъ, при неблагоприятномъ для него поворотѣ дѣла, бѣжать со всѣмъ имуществомъ въ горныя ущелья и уклониться тѣмъ отъ пораженія.

Итакъ, генералу Скобелеву была указана второстепенная цѣль. Сила обстоятельствъ рѣшила иначе. Экспедиціонный отрядъ, въ составѣ саперной команды, девяти ротъ пѣхоты, 7^{1/2} сотенъ казаковъ, конно-стрѣлковаго дивизіона (1), 12-ти орудій и конно ракетной батареи, всего 2,800 строевыхъ нижнихъ чиновъ, съ обозомъ изъ 528 арбъ выступилъ изъ Намангана 25-го декабря 1875 года. Снаряженіе отряда, для труднаго зимняго похода и въ ожиданіи упорныхъ военныхъ дѣйствій, было обдумано до послѣднихъ мелочей. Я не останавливаюсь на немъ, такъ какъ оно подробно изложено въ официальномъ отчетѣ объ экспедиціи, помѣщенномъ въ № 8 «Всеннаго Сборника» за 1876 годъ. (2). Скажу лишь, что подготовка къ этому походу составляетъ образецъ заботливости о войскахъ и примѣненія къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Неусыпное попеченіе главнаго начальника туркестанскихъ войскъ о ихъ благосостояніи и сбереженіи служить образцельнымъ примѣромъ подражанія для всѣхъ туркестанскихъ начальниковъ. Въ данномъ случаѣ, генераль Скобелевъ былъ достойнымъ ученикомъ генерала Кауфмана и лучшимъ представителемъ туркестанскаго военнаго воспитанія, основаннаго на постоянной и всесторонней заботливости о солдатахъ.

Наманганскій отдѣлъ, на время отсутствія экспедиціоннаго отряда, охранялся восемью ротами, 1^{1/2} сотнями, шестью запряженными нашими и 12 коканскими неподвижными орудіями.

Сильныя укрѣпленія въ Наманганѣ и Чустѣ, сооруженныя войсками въ ноябрѣ и декабрѣ, и готовность на возможные случайности гарантировали намъ обладаніе городомъ Наманганомъ и при этихъ небольшихъ силахъ.

Отрядъ генерала Скобелева вступилъ въ Ике-су-арасы 26-го декабря и въ восемь дней прошелъ по разнымъ направленіямъ около половины этой страны. Кипчаки, какъ то и предвидѣлъ генераль Скобелевъ, уклонились отъ боя, и цѣль экспедиціи—ихъ наказаніе—была достиг-

(1) Конно-стрѣлковый дивизіонъ состоялъ изъ двухъ полуротъ, каждая изъ 60 стрѣлковъ, посаженныхъ на коней и 30 коноводовъ изъ казаковъ.

(2) Изъ котораго многое нами въ настоящемъ разсказѣ заимствовано.

нута лишь въ нѣкоторой степени (разореніемъ кипчакскихъ поселеній); коканскіе предводители (Пулатъ-ханъ и Автобачи) также не сочли выгоднымъ вести въ суровую зиму свои ополченія къ намъ на встрѣчу и удалить ихъ такимъ образомъ отъ укрѣпленныхъ городовъ лѣваго берега Сыръ-дарьи. Объекта для дѣйствія въ Ике-су-арасы почти не оказалось. Генераль Скобелевъ съ частью отряда, 2-го января 1876 года, перешелъ въ бродъ на лѣвый берегъ Кара-дарьи и расположился лагеремъ (въ юртахъ и жуламейкахъ, возимыхъ въ обозѣ) (¹) на арыкѣ Мусульманъ-Куль, въ одной верстѣ отъ кишлака Миръ-рабатъ и въ пяти верстахъ отъ начала андижанскихъ садовъ. На слѣдующій день, 3-го января, присоединились къ главнымъ силамъ и прочія части отряда. Этимъ начался новый періодъ экспедиціи; вѣрнѣе сказать, только теперь начались военные дѣйствія.

Съ октября мѣсяца въ г. Андижанѣ господствовало самое воинственное настроеніе. Штурмъ города русскимъ отрядомъ 1-го октября коканцы считали отбитымъ. Дѣло происходило такъ: взявъ нѣсколько заваловъ и два орудія, отрядъ нашъ съ небольшою потерей вошелъ въ городъ и прослѣдовалъ до дворца и площади передъ нимъ; огонь изъ окрестныхъ сакель продолжался. Отрядъ, считая порученное ему дѣло—наказаніе города—конченнымъ, повернулъ назадъ въ лагерь, не дождавшись прихода представителей населенія, которые-бы попросили о пощадѣ (аманъ), какъ то водится въ Азій, когда городъ считаетъ себя во власти побѣдителя. Обратное прохожденіе города уже стоило большихъ потерь, а затѣмъ 2-го, 3-го и 4-го октября во время движенія отряда къ Намагану, коканцы, предводительствуемые Пулатъ-ханомъ, горячо насаждали на нашъ отрядъ, пока, въ ночь съ 4-го на 5-е, нечаянное нападеніе на ихъ сонный лагерь сотни сибирскихъ казаковъ есаула Машина не обратило ихъ въ общее бѣгство. Мы во всѣ дни потеряли пять офицеровъ, 52 нижнихъ чина, убитыми и ранеными (²). Послѣдній эпизодъ не умалилъ въ глазахъ Коканскаго ханства побѣды надъ русскими, которую, по ихъ понятію, они одержали въ Андижанѣ; и вотъ этотъ воодушевленный городъ рѣшился сопротивляться до послѣдней крайности и не сдаваться русскимъ (въ про-

(¹) Юрта и джуламейка состоятъ изъ деревяннаго рѣшетчатого, складнаго остова, покрываемаго кошмой (войлокомъ). Различаются устройствомъ верха; коническій верхъ джуламейки приставляется сверху, чѣмъ полушарный верхъ юрты. Всѣхъ небольшою джуламейки шесть пудовъ.

(²) Значеніе потерь въ Средней Азій не то, что въ европейской войнѣ. Не только непременно всѣ раненые, но, гдѣ только можно, и убитые забираются отрядомъ немедленно. Поэтому, напримѣръ, ротѣ потерять 10 человѣкъ значитъ лишиться въ строю 50 человѣкъ, что уже весьма чувствительно.

тивоположность мирно настроенному Кокану и колеблющемуся Маргелану). Андижанъ принималъ самое активное участіе въ нападеніи на русскіе предѣлы въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, дѣятельно укрѣплялся, заготовлялъ оружіе и считался надежнѣйшимъ оплотомъ противъ невѣрныхъ, не только въ Коканскомъ ханствѣ, но и за предѣлами его. Объ Андижанѣ заговорили на бухарскихъ и кашгарскихъ базарахъ, что было важно: въ Средней Азии политическія извѣстія быстро распространяются и отражаются въ настроеніи населенія на громадныхъ пространствахъ.

По выступленіи отряда генерала Скобелева изъ Намангана, въ Андижанѣ собрались всѣ военныя силы ханства, въ готовности воевать съ русскими. Начальникъ нашего отряда не могъ бездѣйствовать въ такихъ обстоятельствахъ. Онъ не могъ вернуться въ Наманганъ, не кончивъ съ Андижаномъ. Последнее было бы, въ глазахъ туземцевъ сознаніемъ своей слабости и, вмѣсто доставленія мира наманганскому отдѣлу (цѣли экспедиціи), привело бы къ обратному результату. Вотъ почему генераль Скобелевъ принялъ на свою отвѣтственность взять городъ Андижанъ, вопреки полученнаго имъ 2-го января приказанія, не идти на Андижанъ, а вернуться изъ Ике-су-арасы въ Наманганъ.

Во все время военныхъ дѣйствій наманганскаго отряда, о намѣреніяхъ, сборахъ и силахъ непріятеля добывалось много извѣстій. Обязанность эта лежала на сотникѣ Байтоковѣ, киргизѣ (изъ окрестностей Оренбурга) родомъ, состоявшемъ въ качествѣ переводчика при начальникѣ отряда. Онъ собиралъ и сводилъ свѣдѣнія, получаемыя отъ разныхъ туземцевъ, желавшихъ зарекомендовать себя въ глазахъ начальства, опрашивалъ плѣнныхъ, посылалъ въ непріятельскій лагерь лазутчиковъ и своихъ джигитовъ и представлялъ обстоятельныя донесенія начальнику отряда почти ежедневно. Генераль и самъ часто спрашивалъ туземцевъ, намъ служившихъ. Въ таковыхъ недостатка не было, такъ какъ у средне-азіатца понятія о патріотизмѣ и чести весьма своеобразныя. Показанія же туземцевъ большею частью весьма толковы; въ нихъ видно отличное пониманіе мѣстной политики, а не рѣдко и военная сметка. О джигитахъ стоитъ здѣсь сказать нѣсколько словъ. Такъ называются туземцы разныхъ національностей, — сарты, киргизы, каракиргизы, даже казанскіе татары, служащіе намъ добровольно за извѣстную плату (20 рублей въ мѣсяцъ съ лошадыю), но еще болѣе въ надеждѣ добычи. Служба джигитовъ, большею частію весьма плохо вооруженныхъ, была очень полезна для отряда. Они были отличными проводниками: проѣхавъ разъ по какому либо мѣсту, они уже не ошибались въ дорогѣ, каковое качество намъ, русскимъ, не бы-

ло присуще. Джигитовъ посылали поодиночкѣ съ донесеніями и приказаніями тамъ, гдѣ не рисковали отдѣлять даже сильныя казачьи команды. Этотъ приемъ исходилъ изъ того принципа, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ давать непріятелю возможности одержать надъ русскими хотя бы малѣйшаго успѣха, который могъ бы познать его духъ, а также, что потеря джигита была для насъ не столь чувствительна, какъ потеря казака и не компрометировала нашихъ регулярныхъ войскъ. Въ полевыхъ дѣлахъ джигиты посылались кучею впередъ для розысканія непріятеля; въ горахъ имъ нерѣдко приходилось выдерживать первый залпъ. Часто на партію джигитовъ возлагали отдѣльныя порученія, гдѣ они дѣйствовали совсѣмъ безъ нашей поддержки (¹) Такъ, напримѣръ, джигитской партіей позже былъ разбитъ окончательно и потомъ захваченъ Пулатъ-ханъ. Въ коканскую войну джигитамъ сильно доставалось; кромѣ большой потери отдѣльныхъ джигитовъ, во время военныхъ дѣйствій почти цѣликомъ уничтожены были въ горахъ двѣ партіи, человекъ по 30. На нашихъ джигитахъ между прочимъ мы отлично убѣдились, что у туземцевъ разныхъ наименованій нѣтъ недостатка въ храбрости, а кара-киргизы и киргизы совсѣмъ молодцы, способные къ высокому военному развитію. Не разъ были мы свидѣтелями большого мужества, которое выказывали въ нашихъ рядахъ туземцы, не задолго до того пришедшіе къ намъ изъ разбитыхъ передѣлѣмъ ополченій. Служба джигитовъ къ тому же намъ выгодна тѣмъ, что очень дешево обходится.

Первоначальный планъ взятія города Андижана обдумывался начальникомъ отряда задолго до его исполненія. Средне-азіяты умѣютъ защищать свои города съ большимъ упорствомъ. Если штурмующая колонна и не встрѣчаетъ передъ собою на завалахъ большой стойкости, то сзади, какъ только колонна прошла, непріятель снова занимаетъ сакли, цѣпь вокругъ отряда замыкается, бой продолжается и войска не имѣютъ опредѣленнаго предмета дѣйствія, на которомъ могли бы покончить дѣло. Колонна разбивается на кучки, которыя расходятся по безчисленнымъ узкимъ улицамъ и саклямъ и теряютъ связь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выгоды своего тактическаго превосходства. Это бой очень опасный. Бѣда, если непріятель не потерялъ еще головы и уловить въ нашихъ рядахъ минуту утомленія. Генераль. Скобелевъ имѣвшій до того опыты: и отрицательный (штурмъ Хивы, бой въ

(¹) Не мало совершено въ нашихъ рядахъ джигитами лихихъ подвиговъ. Нельзя при этомъ не вспомнить, напримѣръ, джигита, который, можно сказать, спасъ отрядъ на Алты-Кудукъ въ 1873 году, во время хивинской экспедиціи. Онъ отдѣлился отъ войскъ и розыскалъ воду.

Андижанъ въ октябрѣ мѣсяцѣ), и положительный (взятіе имъ Намангана въ октябрѣ), рѣшилъ примѣнить къ мѣстности слѣдующій способъ дѣйствія для взятія города:

1) Сначала обстрѣлывать нѣсколькими стами выстрѣловъ съ командующей высоты наиболѣе важные пункты города, каковы базаръ, урда и другіе, опредѣливъ ихъ по указанію проводниковъ, а еще лучше, если можно, по плану; стрѣлать также по скопленію непріятеля, на сколько оно окажется.

2) Овладѣть передовою оградою (что, конечно, также должно быть подготовлено артилеріей). Нѣсколько штурмовыхъ колоннъ одновременно двигаются концентрически къ какому нибудь заранѣе точно назначенному важному пункту, примѣрно въ центрѣ города, по возможности командующему.

3) Колонны должны двигаться медленно, зажигая въ тылу своемъ сакли, каждую отдѣльно и основательно и тѣмъ обезпечивать свой тылъ отъ дальнѣйшихъ попытокъ непріятеля.

4) Занявъ назначенный центральный пунктъ, войска тотчасъ же должны на немъ укрѣпиться. Пѣхота занимаетъ ближайшія сакли, между которыми дѣлаются проходы; эти сакли тотчасъ же приводятся въ оборонительное положеніе. Весьма выгодно при этомъ располагать цѣпь стрѣлковъ на крышахъ, за завалами, сдѣланными изъ предметовъ, находящихся на дворахъ и въ домахъ; сакли впереди занятыхъ зажигаются. Для артилеріи строится батарея, съ которой тотчасъ же открывается огонь.

5) По сборѣ всѣхъ колоннъ, имѣя уже твердый и опорный пунктъ, полезно направить часть войскъ жечь базаръ.

6) Сжигая сакли, продолжать образованіе эспланады передъ вновь созданнымъ укрѣпленіемъ; продолжать артилерійскій огонь.

Можно быть увѣреннымъ, разъ что войска хотя нѣсколько укрѣпились въ городѣ, что они уже не будутъ выбиты и городъ черезъ нѣсколько часовъ или черезъ день, хоть два, но сдастся.

Показанія многихъ туземцевъ, въ особенности же Арыкуль-бека, бывшаго андижанскаго пансата (примѣрно баталіонный командиръ), дали объ Андижанѣ слѣдующія важныя свѣдѣнія. На восточной окраинѣ города находится наиболѣе возвышенное мѣсто, называемое Атъ-Чакмашъ. Здѣсь извѣстный регентъ коканскаго ханства кипчакъ Алимкулъ, лѣтъ 13 тому назадъ, поставилъ противъ возмущившагося города свою артилерію и обстрѣлывалъ городъ, послѣ чего удачно штурмовалъ его. Приблизительно въ центрѣ города находится отдѣльный холмъ Гюль-тюбе, съ значительнымъ командованіемъ. Къ этому холму съ восточ-

ной окраины города, ведутъ нѣсколько улицъ. Со словъ туземцевъ, генераль Скобелевъ даже набросалъ планъ путей, ведущихъ къ Гюль-тюбе, вѣрность коего впоследствии оправдалась.

Теперь, стоя подъ Андиганомъ, конечно, надо было провѣрить на мѣстѣ составленное предположеніе. Какъ было уже сказано, пѣхота отряда состояла изъ девяти ротъ (1,674 человекъ); желая увеличить шансы успѣха, начальникъ нашего отряда, приступая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, притянулъ съ позиціи на Мусульманъ-Куль-Арыкъ изъ города Намангана (до котораго было 70 верстъ) еще одну роту изъ состава гарнизона, ослабленіе котораго теперь уже было возможно. Рота и одинъ полупудовый единорогъ, обмѣненный на посланное изъ отряда четырехфунтовое наѣзное заряжающееся съ дула орудіе, прибыли на бивакъ отряда 5-го января. 2-го января черезъ широкій и глубокій Мусульманъ-Куль-арыкъ былъ построенъ мостъ, и дорога въ кишлакъ Миръ-работъ, оставленномъ жителями, исправлена. 4-го января предпринята была первая рекогносцировка. Генераль Скобелевъ безъ необходимости не входилъ въ сферу дѣйствія непріятеля со слабыми силами. Рекогносцировки города Андигана онъ производилъ со всей своей кавалеріей (конно стрѣлковый дивизионъ, 7½ сотенъ, ракетная сотня—8 станковъ) и съ четырьмя конными орудіями; отрядъ вполне подвижной и самостоятельный. Быстро и по возможности скрытно двигался отрядъ по сѣверной окраинѣ города, безпрестанно переходя въ бродъ арыки и заливы Кара-дарьи; конныя партіи непріятеля слѣдили за отрядомъ въ почтительномъ отдаленіи (около версты). Какъ и предполагалось, здѣсь не оказалось удобныхъ позицій для наступленія: городскіе сады и дома подходили къ краю береговыхъ высотъ. Дорога вокругъ города, по которой производилась рекогносцировка, изъ долины Кара-дарьи поднимается на нагорный берегъ, затѣмъ опять спускается, наконецъ за Дунъ-кишлакомъ, уже на восточной окраинѣ города, по крутому подъему выходить на мѣстность Акъ-Чакмасъ. Подойдя къ городской стѣнѣ на разстояніе версты, генераль со штабомъ и конвоемъ быстро подскочилъ къ стѣнкѣ и къ почти примыкающему къ ней кишлаку Эскиль-ликъ. Андиганцы еще не стерегли этой (восточной) стороны своего города; лишь небольшая кучка непріятеля занимала кишлакъ и прилегающую стѣну. Давъ по насъ нѣсколько выстрѣловъ, кожанцы не выдержали нашего приближенія, изъѣвшего видъ настоящей атаки—и бѣжали; мы же убѣдились, что лучшая позиція для артилеріи находится вблизи самаго кишлака. Отсюда, поверхъ садовъ, вдали, въ городѣ виднѣлся холмъ Гюль-тюбе, казавшійся чѣмъ-то обѣтованнымъ, но очень трудно достижимымъ. За-

тѣмъ генераль проскакалъ и за городскую ограду; здѣсь въ 300 саженяхъ отъ первой намѣченной артилерійской позиціи найдена и другая, на городскомъ кладбищѣ Шигаушинѣ. Между тѣмъ, въ городѣ распространилась тревога и отовсюду стали сбѣгаться вооруженные жители; затрещала перестрѣлка; пришлось уходить. Рекогносцировочный отрядъ, сопровождаемый верстъ пять непріятельскими выстрѣлами, вернулся въ лагерь. Густой туманъ, долго не разсѣивавшійся, помѣшалъ на другой день, 5-го января, предпринять что либо.

6-го января начальникъ отряда произвелъ вторую рекогносцировку непріятельскаго города, обогнувъ его съ запада на югъ, далѣе на востокъ, къ мѣсту, гдѣ кончена была 4-го числа первая рекогносцировка. На этотъ разъ непріятель слѣдилъ за нашимъ движеніемъ съ большою зоркостью. Значительныя конныя партіи (тысячъ до трехъ) подѣвжали шаговъ до 800, но отгонялись картечными гранатами и не ввязывались въ дальнѣйшій бой. Обѣ стороны какъ-то сдерживались, какъ бы сберегая свой пылъ для будущей рѣшительной схватки въ городѣ. Однако наши джигиты, наткнувшись въ кишлакѣ на непріятельскій пикетъ, имѣли съ нимъ рукопашную стычку и такъ же какъ и въ первую рекогносцировку захватили нѣсколько плѣнныхъ. Городская стѣна близъ Акъ-Чакмаса и пригородный кишлакъ Эскильликъ были заняты теперь густыми толпами пѣшаго непріятеля. Звуки большихъ боевыхъ трубъ сзывали жителей на защиту, затрещалъ сильный огонь; видя, что мы уходимъ, часть непріятеля, по азіатскому обычаю, бросилась преслѣдовать. Но въ цѣль рекогносцировки не входило задерживаться на мѣстѣ изъ за частнаго успѣха. Отрядъ, спокойно останавливая пылъ преслѣдующихъ, возвращался по дорогѣ первой рекогносцировки и поздно вечеромъ пришелъ въ лагерь.

Въ обѣ рекогносцировки велась глазомѣрная съемка⁽¹⁾. Обѣ съемки сошлись отлично. Дорога, огибавшая почти вплотную городъ, оказалась 55 верстъ длиною. По плану окружности города, было вполне возможно судить не только о подступахъ и лучшей позиціи для атаки, но, приблизительно, и о разстояніяхъ до Гюль-тюбе и другихъ важныхъ пунктовъ города. Генераль Скобелевъ вполне убѣдился на мѣстѣ, что, какъ раньше и предполагалось, наибольшія выгоды къ выполненію давно уже обдуманнаго имъ плана атаки Андигана представляетъ мѣстность Акъ-Чакмась.

На слѣдующій день, 7-го января, весь отрядъ изъ своего лагеря, западнѣ Андигана, былъ переведенъ на позицію Акъ-Чакмась, на во-

(1) Въ ней наловчился, давно уже бывшій въ штабѣ генерала Скобелева, корпуса топографовъ поручикъ Жилинъ.

сточную окраину города. Хотя это движеніе было фланговымъ и притомъ, на нѣкоторомъ протяженіи, очень близко подходило къ городу (путь первой рекогносцировки), но, въ виду выразившагося уже рѣшенія непріятеля драться въ самомъ городѣ, оно не было рискованнымъ. Притомъ, непріятель рекогносцировками былъ сбитъ съ толку и не зналъ еще, откуда насъ ожидать, а потому и не могъ серьезно помѣшать нашему маневру. Сильный авангардъ, при которомъ находился начальникъ отряда, долженъ былъ предупредить непріятеля въ Дунъ-кишлакъ, передъ труднымъ подъемомъ на Акъ-Чакмасъ; главные силы прикрывали обозъ, слѣдовавшій небольшими отдѣленіями. Чтобы по возможности сберечь здоровье людей при переходѣ черезъ заливы рѣки и черезъ арыки (такъ какъ все-таки было -4^0), предполагалось перевозить черезъ нихъ пѣхоту на арбахъ; но дѣло это шло очень медленно. Тогда завѣдывавшій инженерною частью отряда, саперный капитанъ Церпицкій, придумалъ на мѣстѣ остроумный подвижной мостъ. Соответствующее ширинѣ переправы число арбъ связывалось на глухо. Въ переднюю арбу впрягали сколько нужно лошадей, которыя и втаскивали импровизированный мостъ въ воду.

Въ Дунъ-кишлакъ авангардъ нашъ вошелъ въ сферу огня непріятельскихъ стрѣлковъ, густою цѣпью окаймлявшихъ ближайшія высоты. Быстрое движеніе на высоты Акъ-Чакмаса и дальнѣйшее наступленіе цѣпи спѣшенныхъ конныхъ стрѣлковъ заставили большую часть непріятеля уйти за городскую стѣну. Картина, открывшаяся намъ съ Акъ-Чакмасской возвышенности, была замѣчательна. Большія массы пѣшаго и коннаго непріятеля занимали Эскиль-ликъ и ближайшіе сады и городъ. Стѣна была унизана бѣлыми чалмами. Дѣйствующій на нервы глухой ревъ трубъ, бой барабановъ, взвизгиваніе флейтъ, выстрѣлы и крики «уръ-уръ», которыми узбеки возбуждаются къ битвѣ, сливались въ одинъ невообразимый концертъ. У непріятеля видно было большое воодушевленіе; все указывало на то, что предстоитъ бой не шуточный.

По свѣдѣніямъ, все подтверждавшимся, на защиту города собралось изъ ханства пять тысячъ сарбазовъ (постоянной пѣхоты), четыре тысячи сипаевъ (поселенной конницы), и до 30 тысячъ вооруженныхъ жителей, какъ собственно андижанцевъ, такъ и изъ окрестныхъ кишлаковъ, брошенныхъ при нашемъ приближеніи. Оружіемъ и снарядами андижанцы запасались уже три мѣсяца подрядъ. Ими руководили въ этомъ дѣлѣ три кашгарскихъ мастера и одинъ англичанинъ (1); все

(1) Этотъ несчастный сынъ Альбіона, недѣли за три до нашего прихода былъ

это время андиганцы также укрѣпляли городъ. До октябрьской нашей экспедиціи онъ не имѣлъ стѣны. Теперь большая часть города была обведена стѣною, съ наружнымъ и внутреннимъ рвами, но не вездѣ крѣпко выведенною и высокой; средняя высота ея была четыре—шесть аршинъ, толщина въ основаніи до трехъ аршинъ. Сильнѣе всего былъ укрѣпленъ сѣверный входъ въ городъ, по берегу главнаго арыка. По этому пути наши войска первый разъ вошли въ городъ. Постепенно съуживающаяся долина Сая (рѣчки), прозванная участниками первой экспедиціи «бутылкой», была заграждена въ два ряда крѣпкимъ брустверомъ, съ хорошо приспособленнымъ обстрѣломъ. Жители почему-то ожидали нашей атаки преимущественно въ этомъ направленіи. Но наибольшія затрудненія мы должны были ожидать въ самомъ городѣ. Известно было, что улицы крѣпко забарикадированы, въ сагяхъ устроены бойницы (азіятскіе дома не имѣютъ оконъ на улицу) и вдоль улицъ между сагами устроены ходы.

Вспоминая отпоръ, данный въ октябрѣ андиганцами, захваченными почти врасплохъ, видя теперь эти воодушевленные массы, мы должны были ожидать на другой день весьма серьезнаго боя.

Между тѣмъ, съ трудомъ втаскивались орудія и арбы на крутой подъемъ къ лагерю. Порядкомъ намучились здѣсь люди и лошади. Переходъ былъ всего 22 версты, а послѣднія арбы взобрались лишь въ первомъ часу ночи. Въ ожиданіи нападенія на лагерь, въ отсутствіе большей части войскъ, юрты ставились возможно тѣснѣе. До города было всего версты полторы. Густая сторожевая цѣпь окружала нашъ бивакъ. Офицеры усиленно ее повѣряли. Костровъ не разводили, бивакъ не имѣлъ свойственнаго ему веселаго вида; всѣ были озабочены и сдержаны.

Не смотря на утомленіе отряда, генералъ Скобелевъ рѣшилъ атаковать городъ на слѣдующее же утро, чтобы непріятель не успѣлъ воспользоваться тѣмъ, что наконецъ узналъ направленіе атаки.

Диспозиція, отданная въ 10 часовъ вечера, выяснила какъ общій планъ, такъ и предстоявшую каждому на другой день роль. Такъ какъ эта диспозиція, не смотря на возможную краткость, представляетъ собою цѣлую программу для взятія азіятскаго города вообще, то я привожу ее здѣсь.

зартзанъ по приказанію Пулатъ-хана, вѣроятно по подозрѣнію, какъ европеецъ: политическія свѣдѣнія Пулатъ-хана очевидно были слабы.

Диспозиція по экспедиціонному отряду на 8-е января 1876 г.

«Завтра, 8-го января, имѣетъ быть взять штурмомъ городъ Андижанъ; для сего назначаются штурмовыя колонны:

«**1-я колонна**, подъ начальствомъ флигель-адъютанта, гвардіи ротмистра барона Меллеръ-Закомельскаго: саперная команда, стрѣлковая и 1-я роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, конно-стрѣлковый дивизіонъ въ пѣшемъ строю и 1 орудіе конной батареи. Итого: саперная команда, двѣ роты, конно-стрѣлковый дивизіонъ, одно орудіе.

«**2-я колонна**, подъ начальствомъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона капитана Юнова: 1-я рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, три сибірскія оренбургскія сотни и взводъ ракетъ. Итого: 1 рота, 3 сотни и 2 станка.

«**3-я колонна**, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Пичугина: 1-я и 2-я роты 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и 1 орудіе конной батареи. Итого: 2 роты, 1 орудіе.

«Общимъ начальникомъ сихъ трехъ колоннъ назначается помощникъ начальника отряда, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій.

«**Резервная колонна**, подъ начальствомъ командира 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона подполковника Андросова: 3-я рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, 2-я рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 2-я и 3-я роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 1½ сибірскія семирѣченскія сотни, 6 орудій конной батареи и 3 орудія подвижныхъ взводовъ. Итого: 4 роты, 1½ сотни, 9 орудій.

Орудія конной батареи быть съ сибірскою прислугою, во всѣхъ орудіяхъ запретъ лишь по одному уносу. Въ прикрытіи вагенбурга и лагеря, подъ начальствомъ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона майора Ранау, остаются 3-я рота 1-го Туркестанскаго баталіона, сибірскія казачьи сотни, нарѣзное орудіе наманганскаго подвижнаго взвода и три взвода ракетной батареи. Итого: 1 рота, 3 сотни, 1 орудіе, 6 ракетныхъ станковъ. По выѣздѣ изъ лагеря артилеріи на позицію, всѣмъ штурмовымъ колоннамъ выстроиться впереди лагеря и ожидать приказаній. При штурмѣ всѣмъ колоннамъ сборнымъ пунктомъ назначается высота въ городѣ Гюль-тюбе. Подходя къ ней, начальникамъ колоннъ входить въ связь съ соседними.

«Въ прикрытіе артилеріи на ея позиціи назначаются: изъ состава резервной колонны 2-я рота 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и 1½ семирѣченскія сотни; изъ состава прикрытія вагенбурга 3-я рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона.

«Штурмовымъ колоннамъ имѣть:

«1-е. Шанцевый инструментъ, тараны, по одной штурмовой лѣстницѣ пяти аршинъ длиною, и зажигательные матеріалы (факелы и спички), а резервной сверхъ того и ограниченаго размѣра инженерный паркъ.

«2-е. По врачу и по двѣ арбы для раненыхъ.

«Предупреждаю гг. начальниковъ штурмовыхъ колоннъ, что съ занятіемъ

Гюль-тубе нельзя рассчитывать на окончаніе боя, а потому, съ достиженіемъ этого пункта и взойдя въ связь съ сосѣдними колоннами, должно занимать оборонительныя позиціи въ сакляхъ, укрывая людей отъ огня противника. Колонна, которая первая овладѣетъ Гюль-тубе, имѣетъ тотчасъ же устроить на ней батарею для артилеріи.

«Обращаю вниманіе гг. начальниковъ на слѣдующее:

«1-е. По главнымъ улицамъ города устроены барикады, боковые переулки заложены мѣшками, въ которыхъ пробиты бойницы.

«2-е. Вдоль улицъ между саклями и дворами устроены во многихъ мѣстахъ сообщенія. Рекомендую, гдѣ возможно, ломать по сторонамъ стѣнки и ворота.

3-е. «Хвостъ каждой колонны долженъ основательно зажигать сакли.

«Офицеры генеральнаго штаба назначаются коноводными: гвардіи штабсъ-капитанъ Боголюбовъ въ 1-ю колонну, капитанъ Куропаткинъ въ резервную.

«Я буду находиться въ резервной колоннѣ».

Подписаль: свиты Его Величества генераль-маіоръ *Скобелевъ*.

На другой день, 8 го января, вмѣстѣ со свѣтомъ въ станѣ коканцевъ возобновился дикій концертъ. Оживленно, возстановивъ за ночь силы нѣсколькими часами крѣпкаго сна и стряхнувъ съ себя всѣ сомнѣнія, принялся нашъ отрядъ за дѣло. День выдался ясный и по сезону теплый, около точки замерзанія. Къ восьми часамъ утра были выведены изъ вагенбурга назначенныя для штурма войска и отслуженъ молебень. Такъ какъ генералъ Скобелевъ выбралъ 4-го января для артилерійской позиціи возвышенность около пригороднаго кишлака Эскиль-ликъ, то дѣло началось съ штурма этого кишлака и прилегающей городской стѣнки. Последняя не представляла на этомъ участкѣ серьезнаго препятствія; андижанцы не успѣли ее достроить, и въ одномъ мѣстѣ стѣна не превышала двухъ съ половиною аршинъ. Наша артилерія открыла огонь съ разстоянія 400 сажень; непріятель не отвѣчалъ и почти не обнаруживалъ своего присутствія. Послѣ нѣсколькихъ гранатъ генералъ Скобелевъ велѣлъ идти въ атаку спѣшенной семирѣченской сотнѣ, подъ начальствомъ есаула барона Штакельберга ⁽¹⁾ и 3-й ротѣ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Федорова. Наша колонна была подпущена шаговъ на 150; тутъ на нее посыпались выстрѣлы и раздались обычные крики «уръ-уръ», съ акомпаниментомъ трубъ. Колонна вбѣжала въ кишлакъ, почти пустой, изъ кишлака повернула налѣво и очутилась открыто передъ высокой частью стѣны со рвомъ, изъ-за которой коканцы учащенно стрѣляли на 80 шаговъ. Казаки засѣли за сакли

(1) Теперь полковникъ.

и стали отвѣчать, а штабсъ-капитанъ Федоровъ, во главѣ стрѣлковъ, повернулъ вправо, пробѣжалъ шаговъ сто, подъ фланговымъ огнемъ, до невысокаго мѣста, и здѣсь бросился на стѣнку. Непріятель побѣждалъ. Все это продолжалось минуты четыре. Лихой порывъ отборныхъ туркестанцевъ и опытность офицеровъ рѣшили дѣло. Человѣкъ 50 изъ защитниковъ стѣнки были заколоты, остальные скрылись въ городъ. Рота потеряла трехъ раненыхъ и нѣсколько контуженныхъ ⁽¹⁾. Когда атакующая колонна вышла къ стѣнѣ, генералъ Скобелевъ, подѣлхавшій для удобства распоряженія на самое близкое разстояніе, поддержалъ атаку своимъ спѣшеннымъ конвоемъ, подъ начальствомъ артилеріи штабсъ-капитана Куропаткина 2-го ⁽²⁾. Тотчасъ же послѣ этой схватки, блистательно открывшей дѣло, вся наша артилерія заняла позицію и начала бомбардированіе города. Орудія наводились преимущественно по направленію на базаръ. Иногда, благодаря превышенію мѣста батареи, поверхъ садовъ и сакель, открывалась густая масса непріятеля; артиллеристы не упустили случая пустить туда картечную гранату. Разъ было отлично видно, какъ граната упала въ серединѣ большой конной толпы, на рысяхъ поспѣвавшей къ мѣсту боя, и какъ эта толпа, послѣ разрыва, повернула назадъ. Пока артилерія занималась своимъ дѣломъ со второй позиціи, третья штурмовая колонна живо устраивала для нея проѣздъ на третью позицію, уже въ городской оградѣ, на кладбищѣ Шигаушинъ. Въ то время первая и вторая штурмовыя колонны двинулись къ городскимъ воротамъ, черезъ которыя имъ, по особому приказанію, велѣно было брать городъ. Каждая колонна имѣла проводниковъ, въ совершенствѣ знающихъ городъ, которымъ было обѣщано по 1,000 рублей. Резервная колонна также подошла къ своей улицѣ. Причисленный къ генеральному штабу капитанъ Куропаткинъ ⁽³⁾ очистилъ отъ непріятеля стѣнку и ближайшій заваль и устроилъ проходъ для колонны, съ мостомъ черезъ ровъ. Бомбардированіе уже съ третьей позиціи продолжалось не менѣе трехъ часовъ; оно завершилось, около 12 часовъ, тремя залпами изъ всѣхъ орудій, съ пятиминутными промежутками, которые были сигналомъ начала общаго штурма самаго города.

Но за это время настроеніе защитниковъ города Андижана значительно измѣнилось; большинство, не выдержавъ продолжительнаго арти-

(1) Храбрый капитанъ Федоровъ, георгіевскій кавалеръ, палъ въ бою подъ Ески-Загрой, 19-го іюля 1877 года.

(2) Теперь подполковникъ, командиръ батареи въ 16-й артилерійской бригадѣ.

(3) Теперь полковникъ, командующій Туркестанской стрѣлковой бригадой.

лерійская огня, бѣжало. Впослѣдствіи жители передъ нами оправдывались: «Мы хотѣли драться», говорили они, «да что же, когда вы, какъ трусы, вмѣсто того, чтобы идти на насъ, остановились и стали стрѣлять издали; мы и ушли».

Первыми обратились въ бѣгство сарбазы и сипаи; озлобленные жители во многихъ мѣстахъ стали ихъ бить. Стопленіе у заложенныхъ выходовъ изъ города было невообразимое. Паника усиливалась безпрестанными извѣстіями о наступленіи русскихъ то съ той, то другой стороны. Съ трудомъ выбрались наиболѣе счастливые частью на ассакинскую, южную, дорогу, частью на сѣверную—къ Дарѣѣ. Множество попряталось въ ямахъ, вырытыхъ во дворахъ, для имущества. Ихъ ждалъ ужасный конецъ; лишь храбрѣйшіе остались ждать русскихъ и дали намъ отпоръ: первой колоннѣ по стѣнѣ; здѣсь стѣна была въ пять аршинъ высотой и крѣпкая; и затѣмъ всѣмъ колоннамъ, кое-гдѣ, въ городѣ за завалами. Но наши молодцы готовы были преодолѣть и не такое сопротивленіе. Колонны медленно, но постоянно шли впередъ, растаскивая крѣпкіе завалы и сжигая на пройденномъ пути с акли, чтобы не дать возможности жителямъ возобновить бой, когда они опомнятся. Когда почти одновременно сошлись 2-я и 4-я колонны на Гюль-тюбе, конечномъ пунктѣ атаки, то въ началѣ не вѣрилось, что городъ уже нашъ: такъ были всѣ приготовлены къ упорному бою. Но, не смотря на раздававшіеся еще тамъ и сямъ выстрѣлы, главное дѣло уже было сдѣлано. Гюль-тюбе оказался небольшимъ холмомъ, застроеннымъ бѣдными саклями. Минуть черезъ 10, во главѣ части резервной колонны прибылъ на Гюль-тюбе начальникъ отряда, генералъ Скобелевъ. Его встрѣтило единодушное «ура». Всѣ сознавали, что одержанъ значительный успѣхъ, и что вся честь достиженія его съ такимъ малымъ урономъ принадлежитъ храброму начальнику отряда. Постоянно подвергая себя опасности, онъ ничего не упускалъ изъ вида, что могло бы вѣрнѣе обезпечить побѣду и сберечь отъ лишнихъ потерь его отрядъ. Нашъ уронъ въ день овладѣнія Андижаномъ состоялъ изъ двухъ убитыхъ, шести раненыхъ и нѣсколькихъ контуженныхъ нижнихъ чиновъ. Раньше, на рекогносцировкахъ и при движеніяхъ, ранены два офицера: 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона штабсъ-капитанъ *Сидыревъ* и хорунжій *Бояльскій*.

Такъ какъ городъ былъ еще набитъ вооруженными жителями, которые, хотя и были деморализованы паникой, но могли опомниться, то, не теряя ни минуты, еще до прибытія генерала, по распоряженію его помощника, барона Меллеръ-Закомельскаго 1-го, бывшего при 1 й штурмовой колоннѣ, приступлено къ превращенію Гюль-тюбе въ твер-

дый опорный пунктъ. На самомъ холмѣ быстро устроена батарея; въ сосѣднихъ сакляхъ размѣщены войска, сакли приспособлены къ оборонѣ; начато устройство эспланады сжиганіемъ мѣшающихъ строеній. Эти работы продолжались затѣмъ непрерывно, изо дня въ день, и привели къ созданію изъ Гюль-тубе крѣпкой цитадели, снабженной водой, въ которой небольшой гарнизонъ можетъ господствовать надъ городомъ. Послѣ сосредоточенія всѣхъ колоннъ на сборномъ пунктѣ, дальнѣйшая дѣятельность отряда состояла въ очищеніи отъ непріятеля базара, урды, въ устройствѣ правильного размѣщенія кругомъ Гюль-тубе и въ разчисткѣ эспланады. Всю ночь пылалъ въ разныхъ направленіяхъ несчастный городъ, озаряя горизонтъ на громадномъ протяженіи зловѣщимъ заревомъ. Весь базаръ и около половины города погибли въ пламени.

На другой день, 9-го января, было открыто сообщеніе съ вагенбургомъ, имѣвшимъ наканунѣ перестрѣлку съ непріятельской конницей, а уже 10-го января явились представители населенія съ просьбой о пощадѣ, каковая имъ дана съ условіемъ взноса контрибуціи и припасовъ для содержанія всего отряда.

11-го числа жители начали возвращаться и съ того же дня стали аккуратно выполнять принятые ими обязательства. Тогда же мы узнали о величинѣ потерь, ими понесенныхъ. Увлеченіе боя прошло, и сердце сжималось, слушая рассказъ о страшномъ бѣдствіи жителей г. Андижана въ день 8-го января. Кромѣ потери отъ артилерійскаго огня и отъ мороза въ восемь градусовъ, внезапно застигнувшаго ночью, въ полѣ, семьи бѣглецовъ, спасавшихся на-легкѣ, множество народу погибло подъ развалинами домовъ, въ ямахъ, въ которыя они забились. За то можно было съ увѣренностью сказать, что этотъ тяжелый урокъ не только надолго подѣйствуетъ на Андижанъ, но послужитъ предостереженіемъ и другимъ городамъ. Общее правило въ средней Азіи то, что города, испытавшіе тяжесть войны, дѣлаются самыми благонадежными, тогда какъ тѣ, которыхъ миновало разореніе, не прочь попробовать счастья въ борьбѣ съ невѣрными и готовы при случаѣ возстать. Но примѣръ Андижана, какъ показали послѣдствія, образумилъ принадлежащіе ко второй категоріи города Маргеланъ и Коканъ.

Абдурахманъ-Автобачи уклонился отъ защиты Андижана. Послѣ взятія города Автобачи расположился со своимъ ополченіемъ въ г. Ассакѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Андижана. Начальникъ отряда, до полученія новыхъ полномочій, желалъ ограничиться удержаніемъ Андижана; поиски, производимые нами послѣ 8-го января съ оборонительной цѣлью, не удались болѣе какъ на восемь верстъ отъ города. Это

придало смѣлости непріятелю, и онъ сталъ къ намъ приближаться. Слѣдовало ожидать, что наконецъ онъ войдетъ въ самый городъ, и если и не сдѣлаетъ ничего серьезнаго, то произведетъ тревогу, послѣдствія которой могли быть гибельны для жителей Андигана.

Поэтому, по полученіи извѣстія о новомъ приближеніи Автобачи, 18-го января, утромъ, генераль Скобелевъ выступилъ противъ него съ двумя ротами, конно-стрѣлковымъ дивизиономъ, 5½ сотнями, ракетной батареей и четырьмя конными орудіями (Двѣ сотни казаковъ еще 11-го января ушли съ оказіей въ Наманганъ). Первая стычка нашихъ джигитовъ съ непріятельскимъ пикетомъ произошла въ 12-ти верстахъ отъ Андигана. При дальнѣйшемъ движеніи нашего отряда встрѣчены были значительныя партіи конныхъ кованцевъ, которые начали отступать въ г. Ассаке. Очевидно стало, что намъ придется драться въ самомъ городѣ. Нравственный перевѣсъ, который мы приобрѣли во время продолжительной кампаніи, былъ такъ великъ, что начальникъ отряда не колебался идти впередъ при всей слабости отряда: но, на всякій случай, послалъ тотчасъ же въ Андиганъ за пѣхотнымъ подкрѣпленіемъ. Городъ Ассаке, какъ было извѣстно, раздѣляется рѣчкой Шарханъ-сай на двѣ части. Урда и базаръ были на зарѣчной (отъ насъ), командующей сторонѣ: рѣчка очень быстрая и въ бродъ непроходимая. Обѣ части города соединяются мостомъ. Цѣль-ли мостъ? Вотъ былъ существенный вопросъ, занимавшій начальника отряда и его штабъ при приближеніи къ городу. Подѣхавъ къ нему, послали разузнать джигитовъ. Послышались выстрѣлы; джигиты прискакали обратно и объявили, что входъ на мостъ сильно обстрѣливается; но въ какомъ состояніи мостъ—этого они не знали точно. Генераль спѣшилъ конныхъ стрѣлковъ и пошелъ съ ними разузнать положеніе дѣла. Улица въ пустомъ городѣ (*) шла параллельно рѣчкѣ, затѣмъ поворачивала къ мосту подъ прямымъ угломъ. Вотъ этотъ-то участокъ за поворотомъ, длиною шаговъ 70, и обстрѣливался изъ за крѣпкаго бревенчатого завала, устроеннаго за мостомъ. Стоило кому-либо изъ насъ показать изъ-за угла голову, какъ мимо ея начинали свистать пули. Однако генераль лично разсмотрѣлъ, что мостъ разобранъ; но оставлены-ли, или нѣтъ переводины? т. е. можно-ли штурмовать переправу съ надеждой на успѣхъ, или здѣсь должна разбиться о неодолимое препятствіе и самая блестящая храбрость, на которую начальникъ отряда былъ вправѣ рассчитывать? Очень не хотѣлось генералу поворачивать назадъ; нѣсколько минутъ онъ колебался, но, наконецъ, отвелъ конныхъ стрѣлковъ къ выходу изъ города. Противо-

(*) Населеніе бѣжало изъ Ассаке на другой день по взятіи Андигана.

лежащая, зарѣчная высота была густо занята, преимущественно конницей. Видѣнь былъ красный бунчукъ Автобачи. Подошла наша артиллерія и открыла огонь на 600 сажень. Послѣ второй, удачно разорвавшейся гранаты коканцы отхлынули за гребень. Стрѣльба продолжалась и по высотѣ, и въ направленіи завала вправо. Посланы были джигиты вверхъ по рѣкѣ для отысканія брода. Генераль, не отказываясь еще отъ фронтальнаго штурма позиціи за мостомъ, хотѣлъ поддержать его движеніемъ кавалеріи въ обходъ черезъ рѣчку на высоты, на путь отступленія непріятеля изъ города, а пока дѣло готовилось артилеріей. Бродъ былъ найденъ верстахъ въ двухъ отъ города. Начальникъ отряда окончательно рѣшилъ въ это время двинуться въ обходъ со всеѣмъ отрядомъ и атаковать непріятеля на высотахъ и въ Урдѣ. Коканцы, конечно, слѣдили за нашимъ движеніемъ, и когда конные стрѣлки, во главѣ отряда, перейдя въ бродъ Шарханъ-сай, стали взбираться на правый нагорный берегъ, то непріятельскіе стрѣлки, слѣшившись, уже заняли гребень высоты и открыли стрѣльбу. Безъ выстрѣла подыались наши стрѣлки на возвышенное плато и отбили огнемъ своихъ берданокъ конную партію, подскакавшую шаговъ на 200, сохранивъ сомкнутость строя. Подъ прикрытіемъ конныхъ стрѣлковъ, казаки втащили, не безъ усилія, наши четыре конныхъ орудія, и началось, вмѣсто предполагавшагося штурма города, полевое дѣло. Коканцы, бросивъ городъ, въ числѣ пяти тысячъ конницы, нѣсколькими массами стояли противъ нашего фронта и лѣваго фланга. При исполнѣ выработанной тактикѣ нашей кавалеріи, эти массы не внушали намъ серьезнаго опасенія. Отрядъ нашъ началъ наступленіе.

Здѣсь кстати будетъ коснуться дѣйствія противъ средне-азіатской конницы вообще. Средне-азіатскіе всадники превосходятъ нашихъ казаковъ численностію и нерѣдко качествомъ лошадей, при одинаковой способности къ одиночному бою. Слѣдовательно, имъ нельзя противопоставлять разсыпнаго строя; джигитовкою возьмешь немного. Наибольшія выгоды представляетъ сомкнутый боевой порядокъ въ двѣ линіи сотенъ съ резервомъ, съ конной артилеріей. Казачьи части должны быть приучены къ строгому соблюденію сомкнутости и къ маневрированію, т. е. быстрому выстраиванію боеваго порядка въ любомъ направленіи. При большомъ неравенствѣ силъ, весьма опасно доводить дѣло до шашекъ. Наше тактическое преимущество при этомъ теряется; шансы непріятеля увеличиваются. Въ одномъ мѣстѣ три казака свяжутся съ однимъ азіатцемъ, а въ другомъ три азіатца рубятъ одного казака. Поэтому, когда непріятель обнаруживаетъ стремленіе сойтись въ рукопашную, то ему надо импонировать строй-

ною сомнѣнностью боевого порядка; большею частью это и удастся; но если, не смотря на наше маневрированіе, непріятель угрожаетъ намъ рукопашною свалкой, то остается воспользоваться выгодами главнаго нашего преимущества—силою огня—и для этого спѣшиться. Вотъ причина, по которой генералъ Скобелевъ сформировалъ, во время коканской войны 1875—1876 годовъ, конныхъ стрѣлковъ. Огонь спѣшенныхъ казаковъ, вооруженныхъ въ то время ружьями, заряжающимися съ дула, не могъ идти въ сравненіе съ огнемъ берданокъ. 120 туркестанскихъ превосходныхъ стрѣлковъ, всегда поспѣвавшихъ за нашею кавалеріей, представляли резервъ, съ которымъ всегда можно было выпутаться изъ бѣды, если бы наша кавалерія, что называется, наваралась. Въ то же время существованіе этого резерва придавало большую увѣренность и предприимчивость нашимъ казакамъ; благодаря ему, они не опасались отдѣляться отъ своей пѣхоты (какъ то нерѣдко бывало прежде), предпринимали самыя рѣшительныя дѣйствія, вполне пользуясь громаднымъ преимуществомъ кавалеріи и ея подвижностью. Съ увѣренностію можно сказать, что безъ конныхъ стрѣлковъ не было бы такихъ лихихъ кавалерійскихъ дѣлъ, каковы были дѣла при Ульджибаѣ, Ассаке, Учъ-Курганѣ. Вообще говоря, во вторую половину коканской войны 1875—1876 годовъ, противъ подорваннаго неудачами, а потому недостаточно стойкаго противника, наибольшіе результаты, самые чувствительные удары (кромѣ взятія большихъ городовъ) должна была наносить кавалерія; но исполнять это, при необходимости отрѣшаться отъ пѣхоты, а иногда и отъ артилеріи, безъ крайняго риска навараться, могла наша кавалерія лишь при существованіи конно-стрѣлковаго дивизіона.

Генералъ Скобелевъ сформировалъ конныхъ стрѣлковъ послѣ дѣла 2-го ноября при Ташъ-бала. Здѣсь 4^{1/2} сотни, подъ личнымъ начальствомъ генерала, отдѣлившись отъ пѣхоты и артилеріи, наткнулись тысячи на три коканской конницы, спѣшились и, до прихода 4-хъ конныхъ орудій съ посаженными на нихъ 30 стрѣлками, подъ начальствомъ полковника барона Меллеръ-Закомельскаго 1-го, были въ незавидномъ, все ухудшавшемся, оборонительномъ положеніи. На другой же день генералъ Скобелевъ взялъ изъ 1-го и 2-го туркестанскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ по 15 отличныхъ людей изъ роты (противъ обыкновенія, ротные командиры, сознавая важность цѣли, дали отборныхъ людей), въ нѣсколько дней получилъ отъ населенія наманганскаго отдѣла лошадей съ сартовскими сѣдлами, а вслѣдъ затѣмъ съ этими импровизированными драгунами ходилъ по 20 верстъ рысью. Они составили двѣ конныя полуроты (каждая отъ одного изъ

соотвѣтствующихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ), вмѣстѣ—дивизіонъ. Не мало ихъ, пѣхотинцевъ, вначалѣ падало, къ увеселенію казаковъ, но они приобрѣли очень скоро навыкъ въ ѣздѣ; многочисленныя стычки давали возможность мѣнять лошадей, вводилось соотвѣтствующее снаряженіе, добывались шашки. Черезъ полгода конно-стрѣлковый дивизіонъ сдѣлался отличной драгунской частью, въ большомъ уваженіи и ладахъ съ казаками, на превосходныхъ мѣстныхъ лошадяхъ, съ привычкою къ большимъ переходамъ (по 90 верстъ въ день) и, главное, съ боевыми преданіями. Къ большому сожалѣнію всѣхъ знавшихъ на дѣлѣ конно-стрѣлковый дивизіонъ, онъ, какъ не штатная часть, былъ въ началѣ 1877 года расформированъ. Итакъ, противъ средне-азіатской конницы, строй нашей кавалеріи долженъ быть сомкнутый, — «кирасиры» ⁽¹⁾—строй, способный дать сильный отпоръ спѣшившимся. Конечно, сказанное отнюдь не исключаетъ удара въ шашки, какъ то много разъ и бывало въ коканской экспедиціи; но не тогда, когда непріятель этого хочетъ; даже не тогда, когда онъ не совсѣмъ еще растерялся.

Невольно хочется прибавить, что еслибы намъ пришлось имѣть дѣло съ европейской кавалеріей, быть можетъ лучше маневрирующей, болѣе способной къ сомкнутому удару, но, въ общемъ, малочисленнѣйшей, то тѣмъ же призваннымъ изъ Азіи оренбургцамъ, сибирцамъ, а также киргизамъ, туркменамъ и проч. выгодна будетъ обратная тактика: постоянное тревоженіе непріятеля въ разсыпномъ строю и ударъ въ шашки на непріятеля, лишь потерявшаго сомкнутость и меньшаго числомъ.

Въ разсказѣ о дѣлѣ при Ассакѣ, я остановился на томъ, какъ взойдя, подъ прикрытіемъ огня спѣшенныхъ конныхъ стрѣлковъ на нагорное плато, наша кавалерія съ конными орудіями двинулась впередъ. Пѣхота наша еще переправлялась черезъ рѣку, но какъ уже объяснено, кавалерія наманганскаго дѣйствующаго отряда привыкла не дожидаться пѣхоты, даже въ виду весьма многочисленнаго непріятеля; тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, когда можно было рассчитывать на стичь непріятельскую пѣхоту, которую мы видѣли въ городѣ за заваломъ. Боевой порядокъ нашей наступающей кавалеріи былъ слѣдующій. Въ первой линіи 3½ развернутыхъ сотни и два конныхъ орудія. Во второй линіи, около 200 шаговъ сзади, за правымъ флангомъ—сотня и джигиты (около 80 чел.); за лѣвымъ—сотня и конно-ракетная батарея (та же сотня, но съ ракетами и станками); всѣ три въ взводныхъ ко-

(1) Въ смыслъ подвижнаго и поворотливаго тарана, какиимъ были Наполеоновскіе кирасиры.

лоннахъ. Въ центрѣ второй линіи—конно-стрѣлковый дивизионъ. Генералъ Скобелевъ со своимъ штабомъ и конвоемъ ѣхалъ между обѣими линіями ближе къ правому флангу. Пѣхота, съ двумя конными орудіями шла за кавалеріей на сколько могла быстро, составляя общій резервъ отряда. Наступленіе производилось ровной рысью; размокшая почва, покрытая тающимъ снѣгомъ, давала себя чувствовать; особенно трудно было артиллеріи. Впереди передъ нами, по дорогѣ въ Маргеланъ, довольно стройно уходили, тоже рысью, тысячи двѣ коканской конницы, преимущественно кипчаковъ; съ нею былъ Автобачи, какъ то указывалъ мелькавшій вдали его значокъ. На нашемъ лѣвомъ флангѣ джигитовало нѣсколько тысячъ всадниковъ, большею частію съ пиками. Нашъ генералъ не безъ опасенія поглядывалъ на эти толпы. Здѣсь были преимущественно кара-киргизы—племя, извѣстное въ Азіи своею храбростію. Въ настоящую кампанію, прикрывая особу Пулатъ-хана, они еще не испытывали серьезныхъ потерь; поэтому, хотя большинство было плохо вооружено, но отъ нихъ можно было ожидать значительной энергіи ⁽¹⁾; однако стройное построеніе фронта нѣсколькими фланговыми сотнями обѣихъ линій и нѣсколько пушенныхъ ракетъ ⁽²⁾ остановили пылъ кара-киргизовъ, изъ которыхъ только отдѣльные всадники подсакивали ближе 400 шаговъ. Наступленіе по маргеланской дорогѣ, остановленное нѣсколько этимъ эпизодомъ, продолжалось. Вслѣдъ за симъ передъ право-фланговой сотней, шагахъ въ 700, внезапно появилась изъ-за крайнихъ городскихъ садовъ (на 4-й верстѣ движенія по плато) колонна непріятельской пѣхоты, человекъ въ 400. Это и были люди, занимавшіе заваль въ Ассакѣ; они уxo-

(1) Дѣйствительно, позже, въ Алайскую экспедицію, мы убѣдились въ превосходныхъ боевыхъ способностяхъ кара-киргизовъ, сотня которыхъ служила въ нашихъ рядахъ, подъ начальствомъ извѣстнаго между кара-киргизами и преданнаго намъ старшины изъ Шабдана.

(2) Наши боевыя ракеты врядъ ли выводили у коканцевъ людей изъ строя, но производили въ ихъ рядахъ своимъ шипящимъ полетомъ сильное замѣшательство. Поэтому мы пользовались ракетами, даже не смотря на большую опасность спусканія ихъ со станка. Ракеты испортились отъ усиленной тряски и сырости и очень часто, почти на половину, рвались на самомъ станкѣ, нанося прислугѣ поврежденіе осколками гильзы, иногда и станка. Къ счастью, хотя пораненныхъ было много, но почти всѣ легко. Молодцы-офицеры ракетной батареи, командиръ ея, штабсъ-капитанъ Куропаткинъ 2-й, и прапорщикъ Андреевъ становились каждый разъ у станка и умѣли всегда держать свою часть въ рукахъ. Однажды (4-го декабря 1875 г. въ дѣлѣ у Байбачи) ракета благополучно сошла со станка, но тутъ же впиалась въ землю, продолжая горѣть. Угрожалъ разрывъ гранаты, укрѣпленной въ головной части ракеты. Опасность очень не шуточная. Прапорщикъ Андреевъ приказалъ прислугѣ станка лечь, коноводамъ отскакать, а самъ стоялъ недалеко отъ самой ракеты, пока не разорвало ея снаряда, къ счастью благополучно.

дили изъ города и за садами не видѣли нашего приближенія. Генералъ, бывшій за сотнею (5-й оренбургской), велѣлъ тотчасъ же атаковать эту колонну. Такова трудность идти въ шашки на пѣхоту, даже плохую, что вначалѣ казаки усилили адюръ не съ маневренной лихостью и рѣшимостью. Въ то время, какъ храбрѣйшіе съ мѣста пошли въ карьеръ, другіе попридерживали коней; сотня образовала входящую къ сторонѣ непріятеля дугу; рыаный бѣлый конь, подъ живописнымъ всадникомъ въ бѣлой папахѣ, обозначалъ точку наибольшей сдержанности. Генералъ Скобелевъ подскочилъ къ сотнѣ, коротко подбодрилъ людей; его штабъ и конвой, составленный изъ отборныхъ казаковъ и джигитовъ, понесся впередъ и вслѣдъ за симъ казаки уже были между пѣшими коканцами, разбившимися на кучки. Началась рубка. Пѣшіе коканцы были частью сарбазы, частью жители, почти всѣ съ ружьями; десятка два ружей были старыя, гладкоствольныя русскія со штыками. Коканцы сдѣлали едва лишь по одному выстрѣлу, а затѣмъ защищались, какъ могли, прикладами; многіе же съ мѣста побѣжали; но мало кто изъ нихъ успѣлъ добѣжать до садовъ и скрыться; большинство осталось на мѣстѣ. Дѣло досталось на долю лишь одной сотнѣ и конвою генерала, которые и потеряли человѣкъ шесть ранеными. Люди побойчѣ положили каждый по нѣсколько человѣкъ коканцевъ. Киргизенокъ Нарумбай (сопровождавшій потомъ генерала Скобелева на войну 1877—1878 годовъ и умершій отъ раны, полученной 30-го августа подъ Плевной) зарубилъ человѣкъ шесть ⁽¹⁾. Всего же на мѣстѣ боя осталось до 300 тѣлъ. Семирѣченцы и сибирцы, поскакавшіе по дорогѣ по слѣдамъ коннаго непріятеля, уже никого не видали. Верстахъ въ четырехъ за мѣстомъ рукопашной схватки генералъ остановилъ преслѣдованіе.

И такъ дѣло 18-го января вышло очень удачнымъ: Автобачи бѣжали безъ оглядки, а катастрофа съ его пѣхотой должна была совсѣмъ отбить охоту у коканцевъ воевать съ русскими. Что касается нашей схватки, то хотя она принадлежитъ къ числу удачныхъ, но участники вспоминали при этомъ лихую атаку на сарбазовъ 2-го декабря при Ульджибаѣ. Здѣсь коканцы были подобранный народъ, красиво обмундированный въ красныя куртки и вели себя очень стойко;

(1) Азіятцы въ паникѣ совсѣмъ обезумѣваютъ. Я слышалъ отъ одного доктора о характеристичной болѣзни «страха», свойственной преимущественно иранскому племени. Впрочемъ полное ошалѣваніе случается и не съ азіятцами только. Очевидецъ рассказывалъ мнѣ, что, во время бѣгства съ Джуниса, часть сербовъ побросала ружья; черкесы рубили бѣглецовъ десятками.

встрѣтили насъ въ колоннѣ и покрыли своими тѣлами небольшую площадь; да и наша атака 2-го декабря была ведена съ мѣста стремительно и образцово лихо, благодаря храбрости офицеровъ Оренбургскаго и Семирѣченскаго войска (1).

Вообще дѣло 18-го января подъ Ассакѣ окончилось вполне благополучно, особенно по сопоставленіи съ тѣмъ, что произошло бы, еслибъ генераль нашъ поддался влеченію сердца и штурмовалъ бы позицію коканцевъ въ городѣ. Вернувшись въ Ассакѣ, мы тотчасъ же удостовѣрились въ трудности предпріятія. Отъ моста оставались только сваи, и рѣка, при весьма быстромъ теченіи, имѣла глубину болѣе сажени. Это былъ именно случай, созданный для того, чтобы «нарваться» на неудачу съ коканцами, до сихъ поръ битыми. Если-бы даже, съ большимъ трудомъ и съ потерями, подъ огнемъ изъ-за завала мы бы и устроили переправу, то результатъ атаки съ фронта не былъ бы чувствителенъ для непріятеля.

Дѣло подъ Ассакѣ было послѣдней попыткой Автобачи искать военного счастья. Непуганный неожиданнымъ появленіемъ нашей кавалеріи, онъ, послѣ 18-го января, уже не находилъ покоя и каждую ночь раза два мѣнялъ свое убѣжище, странствуя по кипшаламъ, верстахъ въ 12-ти—16-ти отъ Ассакѣ. Уже 20-го онъ вступилъ съ генераломъ Скобелевымъ въ переговоры о прекращеніи военныхъ дѣйствій, и очень для себя кстати, потому что генераль уже задумалъ планъ ночнаго нападенія на партію Автобачи, вслѣдствіе побѣговъ уменьшившуюся до 500 человекъ. Планъ этотъ былъ бы приведенъ въ исполненіе безотлагательно, если бы переговоры прервались; но они велись ежедневно, сначала письменно, потомъ черезъ довѣренныхъ лицъ (съ нашей стороны тоже туземцевъ), и окончились тѣмъ, что Автобачи, его главнѣйшіе сподвижники изъ кипчаковъ и сартовъ и его 500 джигитовъ сдались намъ 26-го января, въ восьми верстахъ отъ Андижана, близъ Инду-кишлака (2).

Сдача Автобачи была выраженіемъ полной невозможности Коканскаго ханства продолжать борьбу съ русскими—невозможности, перешед-

(1) Гг. Смирнова, Мелянина, Наливкина, Рогожникова и Семирѣченскаго сотника Дубровина.

(2) Пріѣхавъ съ нами въ Андижанъ, гдѣ разбѣренные по его милости жители встрѣчали его на своемъ попелищѣ съ выраженіемъ величайшей преданности и повиновенія, Автобачи попросилъ прежде всего отдыха и проспалъ чуть не 24 часа. Въ такой тревогѣ былъ онъ послѣднее время. Автобачи поселенъ въ Екатеринославѣ. При первомъ объявленіи ему о его высылкѣ въ Россію, онъ пришелъ въ большое раздраженіе, но, судя по его письмамъ, на мѣстѣ вполне помирился со своимъ положеніемъ.

шей во всеобщее сознаніе. Утомленное и обезсиленное населеніе ждало успокоенія и введенія порядка отъ русскихъ; ближайшія къ Андижану мѣстности присылали изъясненія покорности; городъ Маргеланъ заставилъ враждебнаго намъ Пулатъ-хана оставить городъ. Городъ Коканъ принялъ выгнаннаго имъ ранѣе Насръ-еддина, какъ признаннаго русскимъ начальствомъ. Такъ какъ всѣмъ очевидно было, что въ рукахъ Насръ-еддина власть долго не останется, да она и не распространялась далѣе Кокана, то для предупрежденія анархіи необходимо было дать какое нибудь устройство ханству; всего лучше, конечно, было просто ввести русское управленіе, какъ примиряющее всѣ партіи.

Неопредѣленное положеніе, — изъ котораго генералъ Скобелевъ не могъ выйти, такъ какъ событія далеко опередили полученныя имъ инструкціи и полномочія, — кончилось приказаніемъ, полученнымъ 5-го февраля въ Ташкентѣ изъ Петербурга отъ генералъ-губернатора, о присоединеніи Коканскаго ханства къ Россіи.

Хотя мы и не задавались полнымъ изложеніемъ хода военныхъ дѣйствій, приведшихъ къ окончанію шестимѣсячную борьбу въ бывшемъ Коканскомъ ханствѣ, но предложенная характеристика была бы неполною, если бы мы не упомянули о лихомъ кавалерійскомъ набѣгѣ на Учъ-Курганъ.

Отрядъ изъ двухъ ротъ, одной конно-стрѣлковой полуроты, шести сотенъ, ракетной батареи и четырехъ конныхъ орудій, подъ начальствомъ флигель-адъютанта ротмистра барона Меллеръ-Закомельскаго 2-го (¹), вышелъ 27-го января изъ г. Андижана въ г. Ассакѣ съ цѣлью рекогносцировки. Здѣсь получено было всезнающимъ Байтовымъ извѣстіе, что Пулатъ-ханъ, съ 400 сарбазовъ, 1,000 сипаевъ, пятью орудіями и своимъ имуществомъ, вышелъ изъ Маргелана, закончивъ рядъ своихъ злодѣйствъ приказаніемъ зарѣзать восемь русскихъ плѣнныхъ и пять близкихъ родственниковъ Автобачи, въ отвѣтъ на его сдачу. Въ эту ночь Пулатъ-ханъ долженъ былъ ночевать въ большомъ кишлакѣ Учъ-Кургана. Онъ хотѣлъ пробраться въ Каратегинъ и возстановить, при помощи имѣвшихся у него средствъ, своего тестя Музафаръ-ша, бывшаго при немъ въ званіи правителя. Отъ Ассакѣ до Учъ-Кургана, какъ показывали проводники, было 40 верстъ. Ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій принялъ рѣшеніе напасть на Пулатъ-хана въ эту же ночь съ одной кавалеріей, такъ какъ нечего было и думать о поддержкѣ пѣхоты. Кавалерійскій отрядъ прошелъ, вмѣсто 40, болѣе 60 верстъ, а всего въ этотъ день свыше 80, и, не открытый непріателемъ, подошелъ къ Учъ-Кургану, лежащему въ

(¹) Теперь полковникъ, командиръ 9-го стрѣлковаго баталіона.

лощинѣ. Въ 12 часовъ ночи, прикомандированный къ генеральному штабу капитанъ Куропаткинъ двинулся по большой улицѣ кишлака, тянущейся на три версты, во главѣ штурмовой колонны изъ спѣшенныхъ стрѣлковой полуроты и сибирской казачьей сотни. Прочія силы отряда остались у выхода изъ кишлака на двухъ дорогахъ. Тревога въ кишлакѣ поднялась лишь съ первыми выстрѣлами нашей артиллеріи, когда штурмующая колонна только съ полторы версты не дошла до урды, въ которой расположился Пулатъ-ханъ на ночлегъ. Не отвѣчая на начавшіе раздаваться по колоннѣ выстрѣлы, капитанъ Куропаткинъ безостановочно подвелъ своихъ людей къ урдѣ и съ налета взялъ ее штурмомъ, перекололъ защитниковъ и овладѣвъ съ боя пятью орудіями, знаменами и всѣмъ имуществомъ со 130 верблюдами Пулатъ-хана, который самъ едва успѣлъ бѣжать (').

Это блистательное дѣло прекрасно выражаетъ тотъ духъ обдуманной предпримчивости и беззаветной рѣшимости, который чувствовался въ наманганскомъ отрядѣ. Здѣсь замѣтимъ, что генералъ Скобелевъ, со

(') Его ожидала печальная, но вполне заслуженная звѣрствами судьба. Насчитываютъ ѣсколько тысячъ жертвъ, убитыхъ по приказанію Пулатъ-хана, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, почти ни за что. Умерщвлены имъ также девять русскихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ, безвѣстный герой, унтеръ-офицеръ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона Ома Даниловъ, разстрѣлявъ за твердый отказъ принять мусульманство и перейти въ ряды коканцевъ. Прочіе плѣнные были штабъ-капитанъ Святополкъ-Мирскій и семь купеческихъ прикащиковъ. Судьба первого навѣрное неизвѣстна: онъ или умеръ отъ раны, полученной имъ передъ тѣмъ, какъ онъ взятъ въ плѣнъ, или погибъ вмѣстѣ съ прочими. Объ остальныхъ же извѣстно, что они вынужденно приняли мусульманство, но оставались подъ надзоромъ и зарѣзаны Пулатъ-ханомъ передъ его уходомъ изъ Маргелана, послѣ сдачи Автобачи. Изъ Учъ-Кургана Пулатъ-ханъ бѣжалъ съ 150-ю своими джигитами и былъ разбитъ каратегинскимъ Раимъ-ша, котораго онъ намѣревался до учъ-курганскаго дѣла свергнуть въ пользу своего тестя. Послѣ этого новаго бѣдствія Пулатъ-ханъ бродилъ по пустыннымъ мѣстностямъ ханства человѣками съ 30-ю своихъ джигитовъ, но настигнуть и разбить нашей джигитской партіей тоже изъ 30 человѣкъ. При этомъ въ рукопашной схваткѣ онъ былъ раненъ пикой въ голову. При Пулатѣ осталось лишь два человѣка; съ ними скрывался онъ въ пещерахъ, не смѣя заходить въ кишлаки и сильно страдая, не столько отъ раны, сколько отъ послѣдствій ушиба ноги въ ночной тревогѣ подъ Андижаномъ, 5-го октября. Нашъ киргизъ Бижанъ, съ 12 джигитами, выслѣдилъ и поймалъ бывшаго хана въ концѣ февраля. Скитанія его продолжались мѣсяцъ. Въ мартѣ того же 1876 года Пулатъ-ханъ былъ повѣшенъ въ Маргеланѣ передъ его дворцомъ на площади, мѣстѣ совершенія многихъ его злодѣйствъ. Наканунѣ онъ спокойно выслушалъ приговоръ, сказалъ «хопъ» (хорошо), по обыкновенію плотно поѣлъ и легъ спать. Умеръ съ большимъ достоинствомъ; когда, передъ эшафотомъ, исполнители экзекуціи заторопились было и потащили его, то Пулатъ спокойно ихъ остановилъ: «чего вы торопитесь? развѣ вы не видите, что у меня нога болятъ? успѣете еще». Таковъ былъ конецъ этого киргизизвагощаго дальняго отпрыска ханскаго рода, котораго судьба побаловала четырехмѣсячнымъ ханствованиемъ.

времени удачнаго дѣла въ ночь съ 4-го на 5-е октября 1875 года, о которомъ выше упомянуто, неоднократно употреблялъ ночныя нападенія. Азія любить спать и весьма безпечна. Не разъ наша кавалерія натывалась передъ разсвѣтомъ на спящихъ, или только что всполохнувшихся кокандцевъ, причемъ побѣда рѣшалась едва-ли не однимъ нашимъ появленіемъ. Этотъ образъ веденія войны очень не понравился коканцамъ. Въ ноябрѣ 1875 года отъ имени Пулатъ-хана было получено въ Наманганѣ письмо: «Вы, какъ воры, боящіеся свѣта, по ночамъ внезапно нападаете на наши селенія и убиваете нашихъ людей и т. д.» Понятно, однако, что темнота есть оружіе обоюдоострое и требующее такихъ частныхъ начальниковъ, на которыхъ можно вполнѣ положиться, и высокаго нравственнаго настроенія войскъ ⁽¹⁾; кромѣ того, при ночныхъ нападеніяхъ нельзя быть достаточно осторожнымъ и предусмотрительнымъ въ знаніи мѣстности и предвидѣніи всего того, что наибольшая опытность можетъ предвидѣть; и за всѣмъ тѣмъ ночныя нападенія очень часто все-таки не удаются.

Однажды, напримѣръ (30-го ноября 1875 года), завязнувшее въ Дарьѣ орудіе задержало переправу, а въ это время, случайно заночевавшіе подъ крутымъ берегомъ, арбакеші усаkali верхомъ и предупредили непріятельскую шайку. Здѣсь произошелъ такой эпизодъ. Орудіе, не смотря на припряжку многихъ уносовъ, не только не поддавалось усиліямъ, но даже стало втягиваться въ дно, нѣсколько илистое. Генераль приказалъ людямъ (2-го Туркест. стрѣлк. баталіона) лѣзть въ воду. (Черезъ Дарью пѣхота перевозилась частью на арбахъ, частью на крупахъ казачьихъ лошадей). Было 2 ч. ночи; холодно, сильный вѣтеръ. Люди раздѣваются. Генераль дѣлаетъ тоже и вмѣстѣ съ ними влѣзаетъ въ Дарью по грудь. Орудіе тотчасъ-же было вытасчено. Маіоръ Ранау, храбрый, строго-добросовѣстный служака, сказалъ потомъ генералу: «Ваше превосходительство, дисциплина у насъ не такъ плоха, что-бы вамъ нужно было самимъ идти въ воду. Вамъ довольно было приказать». Конечно этотъ почтенный офицеръ былъ до извѣстной степени правъ; въ его словахъ было замѣтно, что баталіонъ считалъ свой *point d'honneur* нѣсколько задѣтымъ, и это лишь

(1) Когда, какъ въ наманганскомъ отрядѣ, ночныя нападенія составляютъ обычный военный пріемъ и не всегда кончаются дѣломъ, а часто случается, что обращаются въ ударъ по воздуху, — начальникъ долженъ проявлять особенную энергію. Какъ трудны, какъ утомительны движенія ночью, да еще съ пѣхотой. Нелегко насиловать человѣческую природу и тащить на поискъ два, три раза въ недѣлю, ночью, въ скверную погоду, людей, жаждущихъ отдыха.

новое подтвержденіе того, что баталіонъ былъ отличный. Но нельзя не сочувствовать и чисто русскому, солдатскому, порыву генерала Скобелева.

Въ заключеніе упомяну о расходахъ на зимнюю экспедицію 1875—1876 годовъ. Со дня выступленія въ походъ и до дня объявленія о присоединеніи ханства къ Имперіи, войска довольствовались фуражировками, а гдѣ жители смирялись—реквизиціями. За это время отпускъ войскамъ приварочныхъ (кромѣ одной копейки въ день на человѣка) и фуражныхъ денегъ былъ прекращенъ. Кромѣ того на Андиганъ и нѣкоторые кишлаки наложена была контрибуція, давшая, по день ея прекращенія, 160,000 рублей (высокопробнымъ) коканскимъ золотомъ и серебромъ, поступившихъ въ государственное казначейство.

Алексѣй Боголюбовъ.